

Се Цзюнь медлил, прислонившись к спинке пассажирского сиденья, и не спешил выходить. Он украдкой бросал взгляды на женщину рядом, облаченную в сине-белый военный мундир. Его руки нервно теребили сценический костюм, который он так и не успел сменить — черную рубашку в стиле панк с длинными рукавами и прорезями.

Все это казалось таким странным... Сидеть рядом с Вэнь Цзюэ было особенно странно.

Женщина управляла флаером, ее рука на мгновение легла на рычаг управления, а затем ловко скользнула по передней панели. За окном промелькнул знакомый район виллы Цзяошань.

Се Цзюнь поспешно закрыл глаза, притворяясь спящим, и склонил голову набок, обнажая полоску белоснежной кожи на затылке.

— Приехали, — голос Вэнь Цзюэ звучал приятно, медленно и сдержанно.

Ответа не последовало.

Наблюдая за хрупким позвоночником мужчины, скрытым в полумраке, Вэнь Цзюэ слегка потерла пальцы. В глубине ее глаз промелькнула едва уловимая нежность. Она размяла запястье, коснувшись надетых на него буддийских четок. Легкий аромат сандала, исходивший от бусин, придавал ей еще более спокойный и отстраненный вид.

— Господин Се Цзюнь, — голос женщины, хоть и обладал приятным тембром, звучал с ноткой легкого равнодушия. — Спящий человек выдает себя движением глазных яблок под веками. Вы же не спите.

Вэнь Цзюэ не из тех, кто привык жалеть слабых. Се Цзюнь открыл глаза и уставился на альфу своим красивым, озадаченным взглядом. Его длинные ресницы дрогнули, и на них, неведь откуда, блеснула капелька влаги.

— Откуда вы все знаете? И почему обязательно нужно разоблачать, не думая о том, как неловко другому человеку? — в его голосе слышались жалобы, он снова сжал в руках край одежды.

Вэнь Цзюэ покачала головой:

— Я ничего не знаю, просто сказала первое, что пришло в голову.

Се Цзюнь тут же выпрямился, делая вид, что обиделся, и крепче вцепился в подол рубашки:

— Ох... Госпожа Вэнь Цзюэ, вы лгунья!

Вэнь Цзюэ отстегнула ремень безопасности, проигнорировала его слова, толкнула дверь флаера и вышла наружу. Се Цзюнь равнодушно посмотрел на свой ремень, чувствуя разочарование. Он признавал, что ему хотелось бы насладиться заботой альфы.

Однако уже через мгновение она обошла машину, открыла дверь с его стороны и протянула свои тонкие руки.

— Выходите, господин Се Цзюнь.

Как только дверь открылась, внутрь ворвался холодный ветер. Се Цзюнь втянул голову в плечи, плотнее кутаясь в тонкую куртку. Его тщательно уложенная для последнего концерта прическа растрепалась, а серебристый страз отклеился и прилип к веку.

Не успел он вложить свою ладонь в руку Вэнь Цзюэ, как, споткнувшись, порывисто шагнул вперед и рухнул в объятия женщины. От неожиданности она попятилась на два шага, прежде чем устоять на ногах.

Придя в себя, она почувствовала, как мужчина, сжимая ее ладони, начал тереться щекой о теплую ткань ее мундира. Он обмяк, всем весом навалившись на нее, и пробормотал:

— Госпожа Вэнь Цзюэ... мне страшно...

Увидев, что именно делает мужчина, Вэнь Цзюэ не стала его разоблачать. Она даже заколебалась, пытаясь понять, чего именно добивается этот омега.

Если бы ему нужны были деньги, после той ночи, которой не должно было быть, он мог бы сразу потребовать огромную сумму. Вместо этого он пропал на целый месяц, чтобы потом вернуться и выставить условия, касающиеся финансов.

Вэнь Цзюэ не отстранилась. Она просто приняла это положение.

Впервые в здравом уме она контактировала с омегой, и ощущение переплетенных пальцев оказалось не таким уж невыносимым. Она опустила взгляд и тихо произнесла:

— На тебя что-то прилипло, я помогу убрать.

Они стояли так близко, что их дыхание смешивалось. Она не отняла руку, продолжая удерживать его в этой двусмысленной позе. Другой рукой она отклеила серебристый страз. Омега медленно открыл свои светлые глаза — в них отражалась такая чистота, что Вэнь Цзюэ могла разглядеть в его зрачках собственный силуэт.

Се Цзюнь моргнул, глядя на мягкость в глазах альфы, и на мгновение поддался искушению.

Из-за подавленной психики и инстинктов, навязанных телом, он был вынужден подчиниться феромонам, которыми делилась с ним альфа. После той ночи ему часто снились сцены, о которых нельзя было говорить, и его пробудившееся тело всегда отзывалось болью.

Се Цзюнь пытался унять дрожь, ловя феромоны Вэнь Цзюэ, но она, очевидно, не испытывала влечения...

Мучительное желание было сильнее, чем когда-либо. Период уязвимости... омега в течке подобен низшему животному, лишенному рассудка.

— Сегодня третий день... — пробормотал он.

Прошло три дня с их последней встречи. Се Цзюнь сорвал гарнитуру, и она повисла на волосах, сверкая серебром. Сейчас, на пике своей карьеры, он был так же притягателен, как в свои двадцать.

Вэнь Цзюэ посмотрела на болтающийся наушник, который только что касался его покрасневших губ, покрытых тонким слоем блеска. Отведя взгляд, она сухо отозвалась:

— М-м.

Затем добавила:

— Вообще-то, должно было быть...

— Еще пять дней, — перебил ее Се Цзюнь.

Он подался ближе. От Вэнь Цзюэ, как от любого альфы, исходило гораздо больше тепла, чем от него самого. Его обдало жаром, и он слегка отвел голову.

— Я знаю, что осталось пять дней. В этот раз ведь вы сами...

Сами подошли ко мне...

Не успел он договорить, как сильные руки обхватили его тонкую талию. Мужчина замер, словно испуганный хомячок, и мелко задрожал — это была физиологическая реакция омеги. Его ноги подкосились, и только опираясь на плечо Вэнь Цзюэ, он смог устоять.

Он тяжело дышал:

— Госпожа Вэнь Цзюэ... что это значит? М-м? — его голос дрогнул, вызывая в сердце зудящее

волнение.

Вид мужчины не вызвал в ней страсти. Вспомнились насмешки Пэй Цзюэси: Докажи, что тебя никогда не мог соблазнить ни один омега.

В душе всколыхнулось странное чувство — чистый, первобытный дух соперничества, свойственный альфам. Попросту говоря, она хотела победить. Как и во всем остальном, ею овладело врожденное стремление альфы к доминированию.

Ее рука, лежавшая на его тонкой рубашке, не стала двигаться дальше. Она тихо спросила:

— Почему ты сегодня ввязался в драку? — словно опекун, присматривающий за этим непутевым омегой.

Се Цзюнь, изнывая от мук и не в силах сдержать свои феромоны, источал горьковато-миндальный аромат с нотками молока. Он краснел, как котенок, и терся щекой о значок на плече Вэнь Цзюэ. Его голос стал вязким и влажным:

— Они обижали меня... — в этот раз он не плакал; тот, кто слишком легко проливает слезы, не вызывает симпатии. — Они говорили, что раз я уже не молод, то должен поскорее охмурить альфу из высшего общества, родить внебрачного ребенка... и стать... — голос Се Цзюня затих, и он поднял взгляд на женщину. — Это правда?

В его глазах читалась томная, зрелая страсть омеги. Вэнь Цзюэ смотрела на него, на ее губах играла мягкая улыбка.

Она ответила вопросом на вопрос:

— А ты как думаешь?

— А ты сама как думаешь?

Се Цзюнь, перекинув мяч обратно, занервничал. Рука, которую он так двусмысленно сжимал, слегка дрогнула, и холод его ладоней сменился обжигающим жаром от ее вопроса.

Кто он? Разве он не тот, о ком они говорили?

Се Цзюнь замолчал. Ему было не по себе, и его обмякшее тело постепенно приходило в себя.

— Как вы решите, так и будет, — ответил он, решив схитрить и снова передать контроль в руки Вэнь Цзюэ.

Вэнь Цзюэ слегка улыбнулась, не обращая внимания на его слова:

— Возвращайся, увидимся через несколько дней.

Альфы всегда холодны. Они могут в любой момент уйти, бросив омегу в период уязвимости на произвол судьбы, и установленные ими правила не меняются.

Вэнь Цзюэ разжала руки, позволив Се Цзюню стоять самостоятельно.

— Иди, господин Се Цзюнь.

Мужчина плотно сжал длинные ноги, чувствуя невыносимую боль. В его персиковых глазах стояли слезы — он выглядел как человек, привыкший к равнодушию, но старающийся сохранять послушание.

— Мне... мне очень плохо внизу.

Он прикусил губу, пытаясь сохранить самообладание. Вэнь Цзюэ поправила рукав и, опустив взгляд, сказала:

— Я могу связаться с врачом... — ее полуулыбка не позволяла понять, что у нее на уме.

— Не нужно, — буркнул Се Цзюнь, сетуя на отсутствие у нее романтичности, и поплелся в сторону виллы.

Как только дверь закрылась, он обессиленно сполз по косяку на пол. Он коснулся ладонью пола.

На пальцах осталась липкая влага...

Мужчина замер, его уши вспыхнули.

— До чего же тяжело, — прошептал он, коря себя за слабость.

Тук-тук-тук... В дверь постучали. Се Цзюнь подумал, что это вернулась Вэнь Цзюэ, но, посмотрев через систему видеонаблюдения, увидел добропорядочного секретаря-бету, и на душе снова стало холодно.

— Что случилось? — спросил он.

Мин Цюээр простодушно улыбнулся:

— Госпожа Вэнь Цзюэ просила передать вам кое-что. Сказала, что может одолжить вам это на пять дней.

Се Цзюнь посмотрел на свои липкие руки — открывать дверь было нельзя, поэтому он ответил:

— Пожалуйста, оставьте у порога, я скоро заберу.

Мин Цюээр помедлил и, подумав, добавил:

— Господин Се Цзюнь, обязательно заберите. Эта вещь была с госпожой Вэнь Цзюэ пять лет...

Се Цзюнь пообещал сделать это, и Мин Цюээр, оглядевшись, ушел.

Дверь открылась, свежий воздух снаружи развеял странный запах в комнате. Румянец на лице Се Цзюня побледнел, в глазах появилась ясность. У него не было сил, он прислонился к дверному проему и медленно сел, поджав под себя длинные ноги.

В тусклом лунном свете мужчина взял в руки коричневые буддийские четки. На них остался запах Вэнь Цзюэ и... прозрачная липкая влага с его собственных ладоней.

Все руки в...

Запретном и мирском.

\*

В последние дни он был занят на рекламных мероприятиях после премьеры фильма. Случай в примерке Вэнь Цзюэ уладила, поэтому никаких слухов не просочилось. Теперь Се Цзюнь лишь хотел, чтобы фильм поскорее вышел в прокат и принес прибыль, чтобы заткнуть Ван Сяоцзина, который каждый день требовал денег.

— Итак, господин Се Цзюнь, что вы думаете о любви, воплотив образ гитариста в этом фильме?  
— репортер поднял микрофон.

Глаза Се Цзюня, как всегда, светились ярким и острым блеском, как у красивого альфы. Он слегка кивнул:

— Мой персонаж — это человек, который безрассудно бросается в любовь. Он отказывается от музыки, с которой был связан двадцать лет, отказывается от всей своей жизни, ради того,

чтобы любить одного человека.

Он сделал паузу, его кокетливые персиковые глаза точно сфокусировались на объективе, а голос стал чуть ниже:

— Любовь, возможно, длится лишь мгновение.

На экране проектора снова и снова проигрывался этот фрагмент. Женщина на диване, не сводя глаз с экрана, сузила зрачки, слушая запись бесчисленное количество раз.

Голос мужчины был ей слишком хорошо знаком.

Она слышала его много раз: то стонущим, то умоляющим, то вырывающимся в крике, то в блаженном вздохе. Редко когда он говорил так серьезно.

— Тогда позвольте мне задать вам вопрос от лица фанатов, можно? — голос репортера стал выше, словно он сдерживал усмешку.

На проекции Се Цзюнь вел себя как настоящий альфа — образ, созданный искусной работой стилистов. Он уверенно улыбнулся и кивнул:

— Конечно.

Вэнь Цзюэ, глядя на его макияж, наложила этот образ на свои воспоминания — мужчина все еще выглядел таким же нежным, с кожей, отливающей розовым.

Репортер усмехнулся:

— На этот вопрос вам нужно ответить честно.

— Разумеется, я всегда искренен.

Репортер поднес микрофон ближе:

— Фанаты волнуются, не появилась ли у вас вера в любовь после исполнения этой роли...

— Если однажды вы встретите человека, ради которого придется оставить сцену, вы выберете уход из индустрии развлечений?